

вую веру нашу христианскую изгубя, возлюбили латынскую веру... [л. 32 об.]

Митрополит же меня ис Пафнутьева монастыря, девяносто верст, одним днем велел примчать к Москве. И мало скаючи души не вытрясли; примчали еле жива. На утрии же в патриархии стязавшеся власти много со мною от писания: Иларион рязанской и Павел крутицкой. Питирим же, яко красная девка, нишкнет, — только вздыхает. Оне же не возмогоша стати противу премудрости и силы христовы, но токмо укоряху. И лаяше меня Павел и посылаше к чорту... [л. 33] Отслали на патриархов двор, посадили за решетку и тут держали два дни. И в полночь отвели в Тайнишьные ворота, Житным двором, на Тресвяцкой мост. И тут от тайных дел Дементей Башмаков сказал мне: „Молися-де богу и на государя надейся“. И отдал меня полуголове со стрельцами... [л. 33 об.]

И привезши на Угрешу, посадили в темную полатку; и голова со стрельцами стоит день и ночь пред дверьми. Аз же пою богу моему, дондеже есмь. А впредь не вем, что бог изволит и им попустит. Пускай мою плоть истребят на уды и разбросают по холмам польским на по- [л. 34] трбление зверем земным и птицам небесным, да расклюют мя. Еще же и пси да сокрушат мои кости и истребят мое сердце. Аще бог изволит, должен умереть за него, — света, а не предадим благоверия... [л. 34 об.]

[6. В Пустозерской темнице]

...запечатлен в живом аде плотно гораздо; ни очию возвести на небо возможно, едина скважня, сиречь окошко. В него пищу подают, что собаке; в него же и ветхая измедем; тут же и отдыхаем. Сперва зело тяжко от дыму было: иногда на земли валяясь [л. 49 об.], удушисься, насилиу отдохнешь. А на полу том воды по колени, — все беда. От печали великия и туги неначаяхомся и живы быти, многожды и дух в телеси займется, яко мертв — насилиу отдохнешь. А сежу наг, нет на мне ни рубашки, лише крест з гойтаном: нельзя мне в грязи той сидя носить одежды. Я уж не жалея, [л. 50] когда ел, когда не ел, — не спрашиваю и не тужу о том многожды. Иногда седьмь дней, иногда десять, а иногда и сорок не ел, да бог помогает и молитвы святых отец и братии послеществуют. От масленицы до Вербнаго воскресения не ел, да как стал хлеб от есть, так меня мыть мучило недель с пять: умер было, да добро, нечево себя жалеть... [л. 50 об.]

[7. Сожжение Аввакума (приписка в конце Жития)]

Егда же прииде время божим изволением скончати им течение свое, во 189-м году послан бысть от царя Феодора посланник. И повеле царь священномученика и многострадальнаго Аввакума протопопа, и Лазаря священника, и соловецкаго инока Елифания, и Феодора диякона в срубе сжечь. Посланник же приехав в Пустозерье по наказу [л. 52] всех четверых, посадя во един труб, сожег. И тако исповедницы христовы скончаша течение свое страдальческое, добре совершиша: преидоша от земнаго временнаго жития в небесная и некончаемая месяца апреля в первый день. А страдания было священномученика Аввакума протопопа лет тритцать и больши... [л. 52 об.]